

Мечта о Большой дикой природе

Оставьте ее, как есть. Вы не можете улучшить ее. Работа велась веками, и человек может ее только испортить.

Теодор Рузвельт

В 1963 году Мартин Лютер Кинг-младший стоял перед толпой в Вашингтоне, округ Колумбия, и кричал: «у меня есть мечта!». Захваченные его красноречием, мы сделали реальный шаг к его мечте о расовой справедливости год спустя, когда Президент Линдон Джонсон подписал Акт о гражданских правах.

В то лето, когда Акт о гражданских правах стал законом, стала законом и еще одна противоречивая мера, также потребовавшая многолетней смелой кампании. Это законодательство воплотило мечту, не менее благородно или красноречиво сформулированную, чем мечта доктора Кинга:

Для того, чтобы увеличивающееся народонаселение, сопровождаемое расширением населенных пунктов и растущей механизацией, не заняло и не изменило всех областей в пределах Соединенных Штатов и их владений, не оставив никаких земель в их естественном состоянии для заповедания и охраны, настоящим политикой Конгресса объявляется обеспечение для настоящих и будущих поколений Американского народа блага долговременного ресурса дикой природы.

В 1989 году отмечали двадцать пятую годовщину Акта об областях дикой природы. Как и положено, празднования проводились Лесной Службой (которая твердо выступала против этого законодательного документа три десятилетия назад) и группами охраны природы от национального Сьерра-Клуба до Друзей Области Дикой Природы Джила, в Нью-Мексико, по всем Соединенным Штатам. Общество Дикой Природы напечатало юбилейные статьи в своем журнале «Дикая природа» и создало специальную карту Национальной системы Областей Дикой Природы. Теперь, когда вполне заслуженное празднование закончено, было бы хорошо рассмотреть достижения Акта об областях дикой природы более пристально. Пришло время спросить, о том ли мы мечтали. И, что еще более важно, о чем мы мечтаем на следующие двадцать пять лет.

О защите конгрессом Областей дикой природы мечтали многие мужчины и женщины, но двое из тех, кто, возможно, сделал для этого больше всего, Боб Маршалл и Говард Занисер, не дожили до ее воплощения.

Боб Маршалл называл Олдо Леопольда «Командующим сражения за дикую природу». Не сбрасывая со счетов важность Леопольда, описание поля битвы лучше подходит самому Маршаллу. Леопольд был ответствен за первую Область Дикой Природы, административно учрежденную Лесной Службой Соединенных Штатов (Джила, Нью-Мексико в 1924 году); но именно Боб Маршалл (который организовал и финансировал Общество Дикой Природы в 1935 году) в конце 1930-х годов, в качестве Главы отдела рекреации Лесной Службы учредил систему защиты диких земель в Национальных Лесах. В предложениях, обнародованных Маршаллом, заповедалось приблизительно 14 миллионов акров как «Примитивные Области» и формировался процесс их более пристального изучения и установления твердых границ. После такого изучения, площадь более чем 100,000 акров была бы заповедана как «Область Дикой Природы», меньше 100,000 акров — как «Дикая Область». Через два месяца после того, как эти предложения были одобрены Руководителем Лесной Службы Фердинандом А. Силкоксом, в ноябре 1939 года Маршалл, легендарный пеший путешественник на дальние расстояния, умер в поезде от сердечного приступа в возрасте 38 лет¹.

1 Прекрасная биография Маршалла — Джеймс М. Гловер «Оригинал дикой природы: жизнь Боба Маршалла» (Сиэтл: Маунтанриз, 1986 г.). Превосходные истории движения заповедания дикой природы — Родерик Нэш: «Дикая природа и американский разум» (Нью-Хейвен: Издательство Йельского университета, 1982 г. [третье издание]) и «Битва за Дикую Природу» Майкла Фрома (Нью-Йорк: Прэгер, 1974 г.).

После Второй Мировой Войны Лесная Служба продолжила исследования, запланированные Маршаллом, но к этому времени организацию уже поработили лесозаготовки. Новое поколение защитников природы с тревогой наблюдало за расчленением системы Маршалла, когда Лесная Служба предложила Области Дикой Природы меньшие, чем исходные Примитивные Области. В 1951 году призвал к заповеданию Конгрессом Областей Дикой Природы исполнительный секретарь Общества Дикой Природы, Говард Занисер. Занисер составил законопроект и начал претворять его в жизнь. В 1955 году сенатор Хьюберт Хэмфри и член Палаты представителей Джон Сейлор представили первую версию Акта об областях дикой природы. После восьми лет слушаний в Вашингтоне и на Западе, после множества пересмотров, чтобы удовлетворить промышленность и Лесную Службу, и после настойчивого сопровождения «Зани», Акт об областях дикой природы был подписан в виде закона 3 сентября 1964 года президентом Линдоном Джонсоном. Одну из ручек, которой был подписан законопроект, вручили вдове Занисера, Алисе. Зани умер от сердечного приступа тремя месяцами ранее.

Акт об областях дикой природы создал Национальную систему заповедания дикой природы, сначала представленную ранее существующими Областями Дикой Природы и Дикими областями в Национальных Лесах. Он предписывал Лесной Службе изучить и дать рекомендации по остающимся Примитивным Областям, а Службе национальных парков и Службе рыбы и диких животных США сделать то же самое для свободных от дорог областей на землях, которыми они управляли. Конгресс сохранил за собой власть добавлять области к системе или удалять их из нее. Строительство дорог, использование моторизованных транспортных средств или оборудования и коммерческая вырубка древесины в Областях Дикой Природы были запрещены.

Несмотря на смерть Занисера, после принятия Акта об областях дикой природы любящие дикую природу граждане не почили на лаврах. Они работали, чтобы исправить в очень компромиссном законодательном документе пять упущений, которые стали очевидными в течение следующего десятилетия: свободно текущие реки; дополнительные области Национальных лесов на Западе; области Национальных лесов на Востоке; дикие земли, управляемые Бюро менеджмента земли (БМЗ) и земли Аляски. Каждой из этих кампаний: по Диким рекам, дополнительным Западным землям Национальных лесов, Восточным Национальным лесам, землям БМЗ и землям Аляски, — приближала мечту достойных преемников Боба Маршалла и Говарда Занисера. В 1964 году Актом об областях дикой природы были заповеданы 9 миллионов акров Областей дикой природы; благодаря этим наследникам сегодня охраняются 90 миллионов.

Я не имею никакого желания бросать ложку дегтя в бочку с медом. Я рад за каждый акр, спасенный от бензопилы, буровой установки и бульдозера. Поросшие дубами холмы Иши; дождливые гигантские леса Олимпии; неплодородные секвойи Кранберри, поглощающие старые лесозаготовительные тропы; острый, как нож, хребет Веминуче, разрезающий жирные, черные животы грозовых туч; Журавли Сэндхилла, летящие в дымке сквозь августовскую метель в Денали; переход от Гигантского цереуса к Пробковой ели при подъеме на горный хребет Пуш; кипарисные болота Окефеноки; Лоси, трубящие в Грос-Вентре; бурлящая пенящаяся вода на Безвозвратной реке; вороны, летающие кругами в сюрреалистических пустошах Бисти, — я знаю их все, и я благодарен банде фанатиков, преданных дикой природе, которые воевали за каждую из этих Областей Дикой Природы.

Тем не менее, давайте не будем обманывать самих себя. Под асфальтом и бетоном в континентальных сорока восьми штатах находится больше земли, чем защищается в Облaстях Дикой Природы. Из 90 миллионов акров в Национальной системе охраны дикой природы, только 34 миллиона — за пределами Аляски. На каждый акр в континентальных сорока восьми штатах, который мы защитили, начиная с 1964 года, приходится, по крайней мере, акр такой же природной земли, утраченный под сплошными вырубками и дорогами. На каждый заповеданный акр Национальных лесов приходится почти три акра, «освобожденных» для потенциальной разработки. В сердце дикой природы, Йеллоустонском Национальном парке, благополучная в 1964 году популяция Гризли теперь балансирует на грани исчезновения. Потомство Калифорнийских Кондоров, которые свободно летали над Сеспе двадцать пять лет назад, сегодня моргает за решеткой на фоне автомобильных выхлопов. Накануне принятия Акта об областях дикой природы Национальные леса Запада представляли собой, в основном, обширные старовозрастные леса. В 1990-е годы эти леса представляют собой рассеянные островки на фоне уничтоженных, кровоточащих руин, практически неспособные функционировать как нетронутые экосистемы.

Четверть века, с момента принятия Акта об областях дикой природы, защитники природы вели борьбу за то, чтобы сохранить в Соединенных Штатах хотя бы часть оставшихся диких земель. Они не просили об охране всех свободных от дорог или неразработанных областей, даже при том, что эти земли составляют лишь 8 процентов от всей площади земли Соединенных Штатов, за исключением Аляски. Даже в заповедании областей, обсуждавшихся выше (Диких и живописных рек, свободных от дорог областей западного,

восточного Национального леса и областей БМЗ, а также новых Парков и Убежищ на Аляске) компромиссы быстро разрушили первоначальную решимость. Во втором Реестре и оценке свободных от дорог областей Лесной службы (RARE II) в 1978 году, Сьерра-Клуб, Общество Дикой Природы и их единомышленники просили взять под охрану только 35 из 80 миллионов акров свободных от дорог Национальных лесов. Нечто подобное произошло и с исследованиями владений Бюро Менеджмента Земли, рекомендованных в качестве Областей дикой природы; несмотря на то, что Акт Об охране земель Аляски, имеющих национальное значение, был выдающимся достижением охраны природы 1970-х, даже там защитники окружающей среды никогда не пытались предлагать полностью остановить освоение земель, чтобы дикие земли всего штата оставались нетронутыми.

Считалось само собой разумеющимся, что неумолимые силы индустриализации продолжают покорять дикую природу. Защитники окружающей среды, благоразумно не выходя за рамки господствующей тенденции современного общества, свернули с пути, чтобы казаться умеренными и готовыми идти на компромисс. Мы молча согласились на сплошную вырубку древних лесов, на массовое строительство дорог на наших общественных землях, на разработку полезных ископаемых и добычу энергии в девственных областях, и на уничтожение «проблемных медведей». Мы смирились с тем, что некоторые дикие земли должны быть и будут разработаны. Мы просто просили, чтобы пощадили хотя бы некоторые, самые живописные, из них.

За немногими исключениями, мечты заменил политический прагматизм. «Мы живем в мире решений, — говорят нам, — и должны иметь дело с людьми, которые принимают решения». Грезы были забыты, потому что нас засосало «политическое болото», — сожалел Джон Мюир. Безучастная реакция на бюрократические инициативы выдвинулась на передний план.

Короче говоря, начиная с принятия Акта об областях дикой природы, защитники дикой природы не видели общей картины. В большинстве случаев — просто реагировали на ведомственные программы. Мы вели локальные войны, но не сумели ясно сформулировать и провести кампанию за представительскую Национальную систему охраны дикой природы, достойную своего названия. Мы приняли господствующую социальную парадигму неизбежности индустриализации и разработок новых земель. В наших мечтах не было таких благородных, но исчезающих видов, как Калифорнийский Кондор, Медведь Гризли, Серый Волк. Мы пытаемся сохранить их, как за музейные экспонаты, а не как растущие, динамичные, живые части функционирующего мира.

Чтобы Система Областей Дикой Природы стала чем-то большим, чем музей, дразнящий мимолетным видением прошлого Северной Америки, чтобы она была большим, чем гимназия и художественная галерея под открытым небом, чтобы она сохранила жизнеспособные образцы динамично эволюционирующих природных экосистем, мы должны иметь вдохновенную цель вместо подобострастного подбирания тех крошек, которые бросают нам Луизиана-Пасифик, Лесная Служба, Сенатор Марк Хатфилд и Эксксон. Защитники природы должны вести, вместо того чтобы вежливо реагировать. Мы должны задавать нашей нации более глубокие вопросы: является ли 2 процента от площади сорока восьми штатов достаточным количеством для Национальной системы охраны дикой природы?

Действительно ли достаточно двадцать пять кондоров? Шестьсот Медведей Гризли? Несколько крохотных остатков соборных старовозрастных лесов Орегона?

Не вырубili ли мы слишком много девственного леса? Не построили ли слишком много дорог? Не запрудили ли слишком много рек? Не выгнали ли Гризли, Серого Волка, Ягуара, Большерогого Барана, Бизона из слишком многих мест? Не осушили ли слишком много заболоченных земель? Не стали ли истребление Странствующего Голубя, Морской Норки, Луговой Куропатки и распашка Великих равнин чудовищными ошибками?

Разве Области Дикой Природы не являются миром жизни: яркими экосистемами, где природные процессы правят по-прежнему, а эволюция идет своим ходом?

Если мы не сможем задать эти вопросы, если не сумеем провозгласить великолепную и благородную мечту, как это сделал Мартин Лютер Кинг-младший, то крестовый поход за дикую природу будет проигран. Будущие поколения увидят только тень того, что когда-то было настоящим — остатки дикости с урезанной флорой и фауной.

Сначала защитники природы увильнули от трудных вопросов. Ловко избежали признания настоящих причин сохранения дикой природы. Мы позволили, чтобы ценности Баббита помешали нам защитить Национальные Парки и Области Дикой Природы. Первые защитники Национальных Парков — те, кто продвигал Йосемит и Йеллоустоун — хотели сохранить не природное разнообразие, не дикую природу, а просто зрелище, курьезы природы. Альфред Рунте в своей книге «Национальные парки: американский опыт»¹, называет этот способ рассуждений «монументализмом». Сторонники Парков нашли аргумент — «бесполезные земли». Наша нация может позволить себе охранять Йеллоустонский Парк, — говорили они, — потому что он непригоден для сельского хозяйства, а полезные ископаемые захоронены глубоко под лавой. Даже такие защитники природы, как Джон Мюир, часто возвращались к монументализму и бесполезным землям, как сегодня лоббисты от Сьерра-Клуба, чтобы оправдать новые Парки и Области Дикой Природы или вычеркнуть «противоречивые» части (то есть части с деревьями) из предложений.

1 Линкольн: Издательство Университета Небраски, 1987 г. (второе издание, пересмотренное).

Другие популярные аргументы, издавна использовавшиеся для заповедания, основывались на прагматике и примитивных рекреационных ценностях. Сто лет назад штат Нью-Йорк выделил государственные земли в Адиронаках как «навечно дикие» не из-за внутреннего достоинства дикости, а для того, чтобы защитить водораздел для быстро развивающегося города Нью-Йорка. Первые Примитивные Области в Национальных лесах были учреждены в ответ на вездесущие автомобили Генри Форда — лесники, которые выросли в седлах и с уздечками, не желали потерять навыки первопроходцев. С тех пор защитники дикой природы подчеркивали ценности, предлагаемые человеческим существам, причем защита водораздела и примитивный отдых на открытом воздухе упоминаются наиболее часто.

Вот почему в наших заповедниках охраняют только биологически небогатые земли выше пояса лесов, вот почему новые Парки на Аляске («там, где мы имеем последний великий шанс начать сначала», — как провозглашало объявление Коалиции Аляски) оказались жертвами коммерческих махинаций, как и их родные братья на континенте. Когда вы говорите, что хотите только ничего не стоящих земель, вы получаете ничего не стоящие земли. Монументальные, да. Живописные, действительно. Даже захватывающие дух. Но не богатые, зрелые области, необходимые чувствительным видам. Йеллоустонский национальный парк, каким бы очаровывающим он ни был, не может быть самостоятельным как экосистема. Его границы были проведены не природой, а политическими деятелями, которые поклонялись доллару. Есть причина, почему даже дымящиеся ружья охотников за мясом в Монтане не могут убедить стадо Бизонов оставаться в Парке. Бизон не может есть пейзаж или гейзеры. Неживописные частные земли к северу от Йеллоустона, теперь используемые как ранчо для рогатого скота, являются необходимыми для них, как и тысячелетия назад, зимними пастбищами.

Настоящая дикая природа очень отличается от той, которая формирует нашу современную Национальную систему охраны дикой природы. Большинство областей в системе достаточно небольшие, чтобы пересечь их пешком за один день¹, и почти все потеряли важные компоненты своей исконной фауны. Олдо Леопольд определял, как дикую, такую область, в которой во время двухнедельного пешего похода вы не пересекали собственные следы. Для автора киносъемок Медведей Гризли Дуга Пикока, область является областью дикой природы, если она содержит нечто большее и более огромное чем вы — нечто, что может убить вас. Луи Крайслер написала в «Арктической дикости»²: «Дикая природа без животных мертва — мертвый пейзаж. Животные без дикой природы — закрытая книга».

¹Приблизительные подсчеты показывают, что только 4 процента территорий Национальной системы охраны дикой природы имеют 500,000 акров или больше, в то время как 34 процента имеют меньше 10,000 акров. Область в 500,000 акров эквивалентна квадрату со стороной двадцать семь миль; 10,000 акров эквивалентны квадрату со стороной меньше, чем четыре мили. Центр большей части Областей Дикой Природы находится не больше чем в трех милях птичьего полета от границы, а самая дальняя точка в континентальных сорока восьми штатах находится всего в двадцати одной миле от дороги.

²Луи Крайслер, «Арктическая Дикость» (Нью-Йорк: Бэллантайн Букз, 1973 г.).

Мыслящие биологи и защитники природы за последние двадцать пять лет пришли к пониманию того, что разрушение природного разнообразия Земли вызвано не просто эксцессами индустриальной цивилизации, а внутренними атрибутами общества: чрезмерным потреблением, перенаселенностью и нашим понятием господства над природой. Они теперь понимают, что охраняемые Области Дикой Природы и Национальные парки не могут выжить как эффективные святилища, если остаются островными экосистемами, что острова среды обитания в море развития будут утрачивать ключевые виды (те, которые требуют больших территорий, чтобы поддерживать жизнеспособные воспроизводящиеся популяции). Они с сожалением признали, что такие внешние воздействия, как кислотные осадки, другие формы загрязнения воздуха, токсического и радиоактивного загрязнения могут разрушать естественную целостность охраняемых

областей, что ни в одном заповеднике нельзя защитить воздух, воду и почву Земли от загрязнения индустрией. И с ужасом начинают сознавать, что такие глобальные воздействия, как парниковый эффект и истощение озонового слоя будут разрушать все экосистемы во всем мире, включая экосистемы в святынях. Незначительная реформа нашей экономической системы и лучшее управление не защитят великое разнообразие жизни, произведение почти четырех миллиардов лет эволюции. Долгосрочная защита природного разнообразия и процессов, которые поддерживают его, потребует фундаментальных изменений в роли, которую мы, люди играем на нашей планете.

Для борьбы с этими огромными проблемами жизненно важно создать в Соединенных Штатах Национальную систему охраны дикой природы, которая была бы подлинно национальной, представительной и сохраняла исконное разнообразие. Ясно представляя мечту об экологической дикой природе и проводя кампанию за нее на национальной арене, мы сделали бы для охраны настоящей дикой природы намного больше, чем продолжая бороться только за традиционные парки для пешего туризма, зоопарки на открытом воздухе и пейзажные заповедники. Другое преимущество такой программы состоит в том, что сам процесс борьбы за дикую природу может быть наиболее эффективным средством пересмотреть роль человечества в природе; может быть наилучшим способом вызвать изменение сознания, которые, по словам Олдо Леопольда преобразуют «роль Homo sapiens от покорителя сообщества земли к простому члену и гражданину его». Такое реформирование нашей роли позволило бы нам преобразовать наш ненасытный образ жизни, который вызывает кислотный дождь, парниковый эффект и истощение озонового слоя. И если материалистическое общество Соединенных Штатов сможет найти в себе смирение, чтобы учредить природные заповедники достаточных размеров, то это станет примером для других наций, особенно тропических регионов, где исконное разнообразие особенно обильно и подвергается особенной опасности. Как мы можем поучать Бразилию прекратить разрушение амазонского дождевого леса, в то время как мы изорвали в клочья библиотеку экологического богатства, найденную в древних лесах Тихоокеанского Северо-Запада? Как мы смеем запрещать голодающим племенам Восточной Африки истреблять великие стада, когда не можем предоставить Бизону, Серому Волку и Гризли ареал, в котором они нуждаются?

Создание значимой, но политически возможной Национальной системы охраны дикой природы требует, чтобы мы реально представляли нашу цель и шаги для ее достижения. Я предлагаю следующий проект.

Очертить границы того, что остается диким. Более ни одного акра древнего или преимущественно естественного леса не должно быть вырублено. Более ни одна миля новой дороги не должна врезаться в свободную от дорог область. Более ни один Медведь Гризли не должен быть убит в Йеллоустоне. Более ни одна свободно текущая река не должна быть запружена. Слишком много уже было потеряно.

Восстановить коренные экосистемы. Во многих случаях для возрождения родных экосистем, возвращения истребленных диких животных и восстановления поврежденных ландшафтов необходимо всего лишь закрыть дороги, прекратить разрушительную деятельность и оставить землю в покое. В других случаях может потребоваться незначительное

практическое восстановление: физическое возвращение истребленных видов, удаление нескольких застроек и выполнение небольшого восстановления водораздела. В некоторых областях потребуется более дорогостоящее, долгосрочное и активное управление, чтобы вернуть их в состояние природной дикости. Их нужно определить как Области восстановления дикой природы, где будет предоставлена возможность для более интенсивной реабилитационной работы, пока дикость не будет восстановлена.

Основные и меньшие области Области Дикой Природы, а также Области восстановления дикой природы должны быть связаны с друг другом нетронутыми коридорами. Такие коридоры жизненно важны для обмена генетическим разнообразием между ядрами заповедников. Без таких коридоров заповедники становятся экологическими островами, а популяции видов, имеющих малую плотность, такие как крупные хищники, могут выродиться. Когда восстановлена подходящая среда обитания, должен быть реинтродуцирован искорененный вид, если он не сможет заселить эту область самостоятельно.

Восстановить главные свободные от дорог области на Западе. В настоящее время существует тридцать восемь областей, где закрытие незначительных дорог создало бы центральные свободные от дорог области больше чем в миллион акров. Такие монолиты дикой природы должны стать ядрами для еще больших комплексов дикой природы, связанных с друг другом и с меньшими Областями Дикой Природы дикими коридорами.

Восстановить исконные виды. Чтобы защитить после реинтродуцирования Калифорнийского Кондора, должны быть полностью закрыты для человека полтора миллиона акров Национального Леса Лос-Падрес к северо-западу от Лос-Анджелеса. Должны быть широко распространены в их прежних средах обитания широко распространенные когда-то Большерогий Баран, Бизон, Вилорогий Баран, Речная Выдра, Лесной Карибу и другие.

Прекратить коммерческий выпас домашнего скота на западных общественных землях. Общественные земли поставляют только 3 процента красного мяса, а правительство больше тратит на менеджмент частного выпаса скота, чем получает в виде платы за разрешения на выпас. Выпас скота был одним из основных факторов опустошения межгорных экосистем: повсеместного истребления Медведя, Волка, Пумы, Лося, Вилорогого Барана, Большерогого барана и Бизона; разрушения исконной растительности и серьезного ущерба для систем водораздела и прибрежных систем.

Реабилитировать свободнотекущие реки. Реки и прибрежная среда обитания, возможно, больше чем любая другая экосистема Соединенных Штатов, подвергались злоупотреблениям, изменениям и разрушениям. Высокий приоритет должна иметь реабилитация свободно-текущих рек, устранение, где это возможно, разрушительных экзотических и восстановление исконных видов рыбы и других речных обитателей. Не только не должны строиться никакие новые дамбы, но должна быть начата программа по устранению дамб и восстановлению свободно текущих рек.

Откажитесь от понятия сохранения статического ландшафта. То, что сохраняется в Областях Дикой Природы, это процесс эволюции, видообразования, сукцессионных

изменений в экосистемах. Природные ландшафты должны быть большими и разнообразными, чтобы компенсировать такие катастрофы, как обширные лесные пожары, нашествия насекомых и вспышки болезней, временные местные исчезновения и циклические колебания популяции. (В достаточно большом заповеднике или комплексе определенная среда обитания может быть уничтожена стохастическим¹ событием типа Йеллоустонских пожаров 1988 года, но подобная среда будет существовать в других местах области, или в других областях, связанных коридорами.) Защитники дикой природы должны учиться у биологов-природоохранников, а те, в свою очередь, должны рассматривать активистов охраны природы из широкой публики как своих естественных союзников, а менеджмент общественных земель как жизненно важную возможность.

¹Понятие «стохастический» используется экологами для обозначения случайных изменений в экосистеме, вызванных пожаром, ураганом или другим природным явлением.

Сохраняйте дикую природу ради нее самой. Защитники природы должны разработать новые (старые) доводы в защиту дикой природы, новое понимание места людей в природном мире, новую оценку других наций, населяющих эту красивую сине-зеленую живую планету. Мы должны признать, что истинная причина, по которой мы одобряем сохранение дикой природы — это Дикая природа ради нее самой. Потому, что это правильно. Потому, что она представляет собой реальный мир, арену развития. Потому, что это наш дом. Серый Волк имеет право на жизнь ради самого себя, а не ради какой-либо реальной или предполагаемой ценности, которую он может иметь для людей. Пятнистая Сова, Росомаха, грибная сеть в лесной почве следуют своим собственным переплетенным эволюционным путям, как и должно быть. Защитники природы должны признать не только то, что именно внутренняя ценность природного разнообразия является доводом в пользу его сохранения в наших сердцах, но и то, что это наиболее эффективный аргумент в пользу заповедания; мы должны понятно объяснить это и общественности. Если мы не поставим перед нашими собратьями-людьми задачу соблюдать самоограничение, добровольно разделить Землю с нашими дикими собратьями, то крестовый поход за дикую природу превратится в плевок против ветра.

Почему человек с продолжительностью жизни в семьдесят лет думает, что правильно уничтожать двухтысячелетние секвойи, чтобы сделать столы для пикника? Убивать одну из тридцати кормящих Медведиц Гризли в Йеллоустонском регионе за то, что она съела одну из его овец? Ломиться через пятитысячелетний Креозотовый Кустарник на трехколесном мотоцикле ради острых ощущений мачо? Запруживать дамбами Глен Каньон и Хетч-Хетчи ради электричества и воды для лужаек?

Пока мы не научимся уважать этих других, как равных себе, мы будем чужаками и варварами на Земле. Дикая природа — настоящая дикая природа — является дорогой к дому. Формулировка этой истины является жизненной потребностью движения заповедания. Мы не поймем этого, прячась за антропоцентрическими аргументами монументализма, бесполезных земель, утилитаризма или рекреации в первозданной природе. Мы можем сделать это, только провозглашая то, во что мы искренне верим, и бросая вызов человечеству этим этическим идеалом.

Версия #1

Зверобой создал 19 апреля 2025 01:35:24

Зверобой обновил 19 апреля 2025 01:36:19